

* * *

Пора непрошенных дождей
и хмурых туч на небе темном...
Листва высоких тополей
крепка к ветрам неугомонным.

За лето солнце обожгло
простор земли — и спит устало,
по-детски сохранив тепло
под ярко-звездным покрывалом.

Я здесь, как дождь — незваный гость.
Но отражает лужа тело —
и рад: увидеть довелось
надежды луч на свете белом.

* * *

Перекричать бы эту тишину
и, не боясь несказанного слова,
из бездны Истину вычерпывать одну
к поверхности водицы родниковой.

* * *

Обнажились вороны жилища
и нависли на голых суках,
а жильцы пропитание ищут
на раздольных полях и лугах.

Здесь, в глубинке, им — воля-раздолье!
На дорожных густых полосах
гулы ветра пронзительной болью
обвивают тропинки в лесах.
Все одно: темноватая осень,
черствый след, и парит воронье.
И меня, может, кто-нибудь спросит:
«Здесь ли было жилище твое?..»

НОЧЬ

Я не сплю, я не сплю, почему?
И не кашель тревожит мне душу —
Эта жизнь.
Эту жизнь наяву
я хочу тихой ночью послушать.
Ну, давай, ночь, давай говорить —
и разбудим округу стихами!
Вот и ветер струною гудит,
да и звезды поют вместе с нами...
Мы сыграем в четыре руки,
и проложится музой — тропинка...
Не страшны нам тугие замки!
Открывайся, родная глубинка.
Верю, жизни той скомканный лист
не затронет ночного простора:
он исписан!.. он жил!.. он — не чист!..
И в душе — ни хулы, ни раздора.

КОЛОДЕЦ

Предчувствуя слепое невезенье
и горькие превратности судьбы,
сильней, как цепь, натягиваю звенья
в процессе добывания воды.
В святом глотке оттягиваю время,
укоряясь прочно на земле,
зачерпывая тайны исцеленья
Вселенной, потянувшейся ко мне.

* * *

Месяц выгнулся подковой,
пяткой встал на пьедестал —
над макушкой сосновой
на вершину белых скал.
Между небом и землею,
над звериной тропой,
над моею головою
и раскрытою душой.

Небо мыслить помогало,
не упасть в немую грусть...
И под звездным одеялом
видеть — Праведную Русь.

* * *

Вот он летит, последний лист —
как стих, в прохладе.
На миг лишь в воздухе повис —
и вниз, не глядя.
Толпой затоптан — ну и что ж,
пустяк, казалось.
А если б стих — вот тут бы дрожь
в душе осталась...

* * *

Много прежних друзей
отколось по половинкам:
кто в начальство ушел,
кто в погонах звездистых завис.
Ну а я прошагал в тишину
по весенним дождинкам —
под прижатый судьбой
камышовый просевший карниз.
Как за дальнюю даль посмотрел
в родниковый колодец —
там увидел луну
в отраженье холодных глубин...
И поверил:
я сам — тот наивнейший первопроходец
среди полей и небес
у огромных зимующий льдин.

* * *

Бежим по путаной судьбе
без остановки.
Как в русской зрелищной игре —
нужна сноровка.
Там мяч до неба, как мечта:
чем выше — лучше.
Неприхотливая лапта,
и нам не скучно...
И набираются очки
на перебежках.
А каждый промах на пути
грозит: не мешкай!..

Вот так и мчимся во всю прыть
с душой открытой.
Ах, лишь бы сердце не разбить,
как мячик битой!

* * *

А что мне — вспыхнуть да погаснуть,
оставив след на слякоти ночной...
Стремленье ввысь —
светло и не напрасно.
Напрасно жить с потерянной мечтой.

* * *

Первый снег, морозом скованный,
хруст капустный под ступней,
темный омут заколдованный
под замерзшею рекой...
Вот в саду просторном яблоня
держит жухлую листву...
Торжествуешь ли ты, зяблая,
или плачешь в синеву?
А под небом тропка свежая
от заветренных ворот
вдаль уходит, непроезжая,
до неведомых широт.

* * *

Моя весна уж на ладони:
разливом беспокойных вод,
как растревоженные кони,
несет по Дону хрупкий лед.
Его прощальное мгновенье
хоть возвышает на дыбы,
но все же — бьется в наводнение
о телеграфные столбы...
Душа хранить не перестанет
картины Родины глухой...
В нагрудном унесу кармане
любовь к земле моей — домой.